

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47)

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-159-169>

Евреи в составе политических ссыльных Иркутской губернии в начале XX века: некоторые статистические характеристики

© А.А. Иванов, Н.М. Манян

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: В статье рассмотрена численность, социальный состав, география размещения, партийная принадлежность, занятость евреев в составе политических ссыльных Иркутской губернии начала XX века. В отечественной историографии национальный состав политических ссыльных, и в первую очередь это относится к евреям, исследован лишь фрагментарно. Отсюда актуальность и научная новизна данной темы. Подробно анализируя список ссыльных в Иркутскую губернию на 1 января 1903 года из фондов Государственного архива Иркутской области (ГАИО), автор приходит к выводу о том, что среди политических ссыльных в конце XIX – начале XX века евреи занимали второе место по численности после русских, составляя здесь от 30 до 60 % всех ссыльных, что было значительно выше общесибирских показателей. Среди евреев преобладали люди молодые, не успевшие обзавестись семьей, преимущественно из мещанской среды, выходцы из западных и южных губерний России, мелкие рабочие и служащие, большинство из них принадлежало к партии социал-демократов. В ссылке они размещались по большей части в северных уездах губернии, прежде всего, в Верхотенском, Киренском, постепенно смещаясь к югу, в сторону Иркутска. Большинство ссыльных евреев были административно высланы на срок до четырех лет, на местах приписки не имели постоянной работы, жили на денежное пособие от государства. Некоторая часть ссыльных евреев из анализируемого списка – В.Д. Гурари (Бучульская), В.О. Мандельберг, И.И. Шилингер – принимали активное участие в работе местных леворадикальных политических формирований, пропагандируя среди сибирских рабочих, городских служащих и учащейся молодежи идеи социал-демократизма и анархизма. Большая доля евреев в радикальном оппозиционном движении Российской империи начала века объясняется неспособностью государства проводить сбалансированную национальную политику, что вырождалось в организации черт оседлости, квотах на высшее образование, запрете евреям на отдельные виды деятельности.

Ключевые слова: репрессивная политика государства, политическая ссылка, евреи, Восточная Сибирь, Иркутская губерния начала XX века, территориальное размещение, социальный состав, партийная принадлежность, полицейский надзор, леворадикальные партийные формирования

Для цитирования: Иванов А.А., Манян Н.М. Евреи в составе политических ссыльных Иркутской губернии в начале XX века: некоторые статистические характеристики // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2020. Т. 16. № 4. С. 159–169. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-159-169>

Jews in the political exiles of the Irkutsk province at the beginning of the twentieth century: some statistical characteristics

© Alexander A. Ivanov, Nonna M. Manyan

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article considers the number, social composition, geography of placement, party affiliation and employment of Jews in the political exiles of the Irkutsk province of the beginning of the twentieth century. In Russian historiography, the national composition of political exiles, especially to Jews, was investigated only fragmentally. Hence there are relevance and scientific novelty of this topic. Analyzing in detail the list of exiles to the Irkutsk province on January 1, 1903 from the funds of the State Archive of the Irkutsk Region (GAIO), the authors conclude that among political exiles in the late XIX – early XX centuries, Jews ranked second in number after Russians, making up here from 30 to 60 % all exiles, which was significantly higher than the all-Siberian indicators. Among the Jews, young people prevailed who did not have time to get a family, mainly from

the bourgeois environment, immigrants from the western and southern provinces of Russia, low ranked workers and employees, most of them belonged to the Social Democrat Party. In exile, they were located for the most part in the northern counties of the province, primarily in Verkholsky, Kirensky, gradually shifting to the south, towards Irkutsk. Most exiled Jews were administratively expelled for up to four years, did not have permanent work on their places of residence, lived on a cash allowance from the state. Some of the exiled Jews from the analyzed list – V.D. Gurari (Buchulskaya), V.O. Mandelberg, I.I. Schilinger – took an active part in the work of local left-wing radical political formations, promoting the ideas of social democratism and anarchism among Siberian workers, city employees and young students. A large proportion of Jews in the radical opposition movement of the Russian Empire at the beginning of the century will be explained by the inability of the state to pursue a balanced national policy, which was expressed in the organization of sedentary features, quotas for higher education, and the prohibition of Jews for certain types of activities.

Keywords: repressive state policy, political exile, Jews, Eastern Siberia, Irkutsk province of the beginning of the twentieth century, territorial placement, social composition, party affiliation, police supervision, left-wing radical party formations

For citation: Ivanov A.A., Manyan N.M. (2020) Jews in the political exiles of the Irkutsk province at the beginning of the twentieth century: some statistical characteristics. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 4. P. 159–169. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-4-159-169>

Политическая ссылка XVII–XX вв. действительно оставила заметный след в истории Сибири и Иркутской губернии. Многочисленные сюжеты этого явления в той или иной степени уже изучены или исследуются в отечественной и зарубежной историографии. Вместе с тем вопрос о национальном составе политических ссыльных, отбывавших наказание на территории края, рассмотрен крайне фрагментарно. Этот сюжет получил отражение в работах, пожалуй, лишь Э.Ш. Хазиахметова и Н.Н. Щербакова. При этом ученые, во-первых, рассматривали национальный вопрос лишь как часть комплекса проблем сибирской ссылки в целом, во-вторых, фокусировали свое внимание только на событиях 1907–1917 годов. Таким образом, национальный состав ссыльных конца XIX – начала XX века Восточной Сибири, как это неудивительно, остался практически не исследован. Все вышесказанное в полной мере (если не сказать, в первую очередь) относится и к еврейской части политической ссылки – здесь до сих пор не определены ни количественные, ни качественные показатели этого явления.

Не претендуя, конечно же, в одной публикации на всестороннее рассмотрение «еврейского вопроса», попробуем начать с малого и установить состав евреев среди политических ссыльных Иркутской губернии на определенную дату, взяв за основу анализа конкретный документ – «Список лиц, сосланных за политические преступления и порочное поведение и состоящих под гласным надзором по-

лиции в Иркутской губернии к 1-му января 1903 года», обнаруженный нами в фонде № 91 Государственного архива Иркутской области (ГАИО).

Следует сразу сказать, что ведение подобных списков в полицейском ведомстве – дело обычное, являющееся составной частью общей системы гласного или особого надзора как за политическими ссыльными, так и за коренными сибиряками (Иванов, Савилов, 2019). Относительно начала XX в., мы располагаем подобными списками на 1901, 1903 и 1905 годы. Данные документы наглядно отражают рост политической радикализации значительной части российского общества в этот период: «революционное нетерпение» шло по нарастающей, охватывая все более широкие социальные слои, что, в свою очередь, закономерно сказывалось как на масштабах, так и составе политических ссыльных: увеличение числа «узников без решеток» сопровождалось усилением их национального многообразия. Относительно евреев этот процесс выглядел следующим образом: в списке на 1 января 1901 г. из 79 политических ссыльных – евреев 26, или 32,9 %, на 1 января 1903 г. – 52 из 131-го, или 39,7 %, и в последнем документе – из 158 человек, сосланных за «политику», евреев 95 или 60,1 % (ГАИО). Ф. 91. Оп. 2. Д. 1511; Оп. 1. Д. 2398. Л. 173–206; Ф. 25. Оп. Оц. Д. 636. Л. 1–35 об.).

Как видим, списки на 1903 г. содержат наиболее усредненные показатели, что и послужило главным основанием для нашего выбора. Данные спи-

ски выполнены на «пишущей машине» и сделаны по общепринятой форме когда-то утвержденного образца. Страницы разделены на графы, содержащие: порядковый номер, указание фамилии, имени и отчества ссыльного, «место родины и вероисповедание», по какому распоряжению, за что именно, откуда, куда выслан, на какой срок, какому подвергнут надзору и с какого времени, где водворен на жительство, чем занимается, получает ли от казны государственное пособие и в каком размере, имеется ли семейство и из кого оно состоит, а также место постоянного проживания. Последняя графа содержит отметку о поведении. К сожалению, далеко не все графы заполнены полностью, у части ссыльных отсутствует вероисповедание, год рождения и, что очень важно, указание на принадлежность к конкретному «тайному сообществу». Тем не менее данные списки – весьма ценный и достоверный источник по истории как карательной политики государства, так и политической ссылки в Сибирь начала XX в. (Курас, 2010. С. 96).

Итак, в списке на 1 января 1903 г. имеется 157 фамилий ссыльных. 122 человека отнесены к политическим – сосланным по суду или высланным административно, остальные – «за порочное поведение» или конкретные уголовные преступления, среди которых преобладает конокрадство. Однако в числе уголовников есть 9 человек, высланных за подстрекательство к забастовке. Нами они были прибавлены к первым 122, таким образом, имеем 131 фамилию ссыльных-политиков (ГАИО. Оп. 1. Д. 2398. Л. 173–206).

Как было сказано выше, 52 человека из списка, или 39,7 % – евреи. Столь высокий процент – уже примечателен тем, что гораздо выше известных в нашей историографии соответствующих данных. Например, по сведениям Е. Никитиной, в 1905–1908 гг. среди политических ссыльных в целом по России евреи составляли 22 % (Никитина, 1927. С. 17). По данным А.В. Пешехонова, основанным на анализе анкет, не менее 700 ссыльных прошли через Александровскую пересыльную тюрьму за этот же период, процент евреев среди них достигал 15 (А. В. П., 1912. С. 48). По подсчетам Н.Н. Щербакова, доля евреев в составе административно-ссыльных в

Сибири в 1906–1909 гг. не превышала 13,1 %, а среди ссыльнопоселенцев за этот же период их доля достигала 13,8 % (Щербаков, 1973. С. 225, 238). На наш взгляд, столь большое расхождение в показателях может быть объяснимо тем, что Иркутская губерния до 1904 г. была выделена в качестве главного места для размещения административно-ссыльных и в первую очередь евреев. Вот почему наш список на 1905 год имеет еще большие показатели – 60,1 %.

Анализ полового состава евреев из списка на 1903 г. также приносит весьма неожиданный результат – из 52 человек 9 – женщин, что составляет 17,3 %. Это достаточно высокий процент для 1903 года. Так, по данным Э.Ш. Хазиахметова, доля женщин среди политических ссыльных по Сибири в целом определена в 2,4 % на 1908 г., когда массовые «революционные события 1905–1907 гг. уже «вовлекли в движение женщин» (Хазиахметов, 1978. С. 20). Эти данные, в общем, соответствуют и нашим подсчетам, основанным на анализе 1605 биограмм членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, отбывавших наказание в пределах Иркутской губернии в 1900-е годы: женщины ссыльные составляют здесь 173 человека, или 10,8 % (Политическая каторга и ссылка..., 1934)¹.

Возрастной состав ссыльных евреев (указан у 42 человек) выглядит следующим образом: от 20 до 25 лет – 21 человек, с 25 до 30 лет – 11, от 30 до 35 – 6, с 35 до 40 – 2, с 40 лет и выше – еще двое человек. Как видим, половина высланных евреев – люди весьма и весьма молодые – от 20 до 24 лет включительно. Если к ним прибавить 11 человек, имевших возраст от 25 до 30 лет, получим 32 человека (76,2 %), что свидетельствует о том, что подавляющая часть ссыльных относилась к людям молодым. Самый молодой из них – Ш.З. Лейкин, мещанин города Витебска. По распоряжению министра внутренних дел, за подстрекательство рабочих к забастовкам и насильственным действиям против владельцев предприятий он был выслан в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на 5 лет, счи-

¹ Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник членов об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М.: Изд-во ВОРКИС, 1934. 832 с.

тая срок надзора с 7 октября 1901 г., поселен в городе Илимске Верхотенского уезда, постоянных занятий не имел, получал пособие (ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 205).

Самая старшая по возрасту – Шехтер (Доллер) Софья Наумовна, народоволка, – личность весьма примечательная. Она родилась в 1856 г. в еврейской семье в Одессе, училась в гимназии, а позже на акушерских курсах в Петербурге. Была арестована в Киеве в 1880 г. По приговору Киевского военно-окружного суда присуждена к лишению всех прав состояния и к каторге, которую отбывала на Каре. От действия манифеста 15 мая 1883 г., предусматривавшего значительное сокращение срока каторжных работ, публично отказалась (Майнов, 1924. С. 308). В 1884 г. была переведена в разряд ссыльных на поселение и водворена в Якутской области. С начала 1896 г. перечислена в крестьяне из ссыльных Куядского селения Тугутуйской волости Иркутского уезда. С разрешения генерал-губернатора жила в Иркутске, служила в Управлении Забайкальской железной дороги, но по распоряжению жандармов была уволена, пособия от казны не получала (ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 177).

Доллер – единственная из всех евреев из списка оказалась в сибирской ссылке на основании судебного приговора, остальные были высланы «в места столь отдаленные» административно, по решениям губернских властей, утвержденным министром внутренних дел. Положение «ссыльных по суду» и административных существенно отличалось. Отправленные в Сибирь на основании решений суда могли попасть сначала на каторгу, затем на поселение, они «поражались» в сословных правах, лишались званий и привилегий, не могли перемещаться внутри уездов и даже волостей, их корреспонденция контролировалась. Административные ссыльные не поражались в правах, могли заниматься многими видами деятельности, с разрешения станового пристава передвигаться по уезду, практически свободно отправлять и получать письма, имели казенное пособие.

Далее попробуем выяснить, из каких мест были высланы «наши» евреи. Место рождения определено в списке у 46 человек. В основном это запад-

ные и южные губернии Российской империи: Минская – 7 человек, Виленская, Могилевская, Ковенская – по 5, Витебская – 4, Екатеринославская – 3, а также Полтавская, Киевская, Харьковская и другие. Из губерний традиционно русских евреев-ссыльных немного: из Нижегородской имеем одного ссыльного, да по одному из Томска и Баку, что выглядит несколько неожиданно. Как видим, евреи попадали в Иркутскую ссылку из традиционных центров своего проживания, расположенных на западе и юге империи, промышленные районы России здесь практически не представлены.

Социальное происхождение определено у 47 евреев. Итоги подсчетов вполне ожидаемые: абсолютное большинство – 43 человека – выходцы из мещан (91,5%), трое – из купцов и один, Д.М.Розенблюм, обозначен как Личный гражданин (ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 198). Обилие мещан среди еврейской молодежи хорошо иллюстрирует переживаемое всей политической ссылкой явление: на рубеже веков ссыльный дворянин-интеллигент уступил место рабочему, мещанину или выходцу из городских низов. Народническая ссылка уходила в прошлое, ей на смену заступала ссылка пролетарская, массовая. Резкое изменение социального состава политической ссылки хорошо передают слова Л.Д. Троцкого: «Рабочие стали составлять все больший и больший процент политиков, и, наконец, оставили далеко за флангом революционного интеллигента, который со старого времени привык считать Петропавловскую крепость, Кресты и Колымск своей монопольной наследственной собственностью, чем-то вроде майората. Мне еще приходилось встречать в 1900–1902 годах народолюбцев и народоуправцев, которые почти обиженно пожимали плечами, глядя на арестантские паузки, нагруженные виленскими трубочистами или минскими заготовщиками» (Троцкий, 1907. С. 33).

Профессия, или род занятий до ссылки выявлены лишь у 11 человек: три женщины имели специальность акушеров – С.Н. Доллер, Е.Н. Фалькнер и А.Л. Бронштейн, один ссыльный был «женским» доктором (В.Е. Мандельберг), один – инженером-технологом (Иосиф Шилингер), была домашняя учительница (Бучульская, урожденная Вера Давидовна

Гурари) и пять человек являлись «бывшими студентами» (50 %).

История появления в Сибири недоучившихся студентов интересна и вообще специально не изучалась. В конце XIX в. студенты европейской части страны активно выступали за расширение своих прав и восстановление автономии университетов. По всей России прокатилась волна митингов, нелегальных сходок, стычек с полицией. Тогда было принято решение отдать наиболее активных студентов в солдаты – у В.И. Ленина есть соответствующая статья (Ленин, 1967), а около сотни – настоящих организаторов и «зачинщиков беспорядков» – сослать в Сибирь. Решением министра внутренних дел они были высланы в административном порядке на сроки от двух до пяти лет в основном в Восточную Сибирь (в том числе и в Якутскую область) под гласный надзор полиции. Благодаря протестам общественности страны, студентов вскоре амнистировали, разрешив в начале 1903 г. вернуться в Европейскую Россию (Искра. 1902. № 19, 28, 35).

В нашем списке к таким студентам можно с уверенностью причислить И.М. Вейнштока, уроженца Нижегородской губернии, иудейского вероисповедания, 23-х лет, бывшего студента Московского университета. Вейншток «за подготовку в феврале 1902 г. политической демонстрации в Москве» был выслан под гласный надзор полиции на 3 года. Проживал в селе Урик Иркутского уезда, «занятий не имел». По высочайшим повелениям от 13 сентября и 6 декабря 1902 г. ему в числе других было разрешено вернуться в Европейскую Россию, избрав местом жительства любой населенный пункт, «кроме городов с высшими учебными заведениями, с оставлением под надзором полиции до 1 марта 1904 года» (ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 189).

Кроме Вейнштока к категории «бывших студентов» в нашем списке принадлежали: А.А. Левинзон, учившийся в Лесном институте, 24-х лет, высланный согласно 34 ст. Положения о госохране в Восточную Сибирь на 4 года, «помещенный» в Верхоленск; А.Л. Цейтлин, уроженец Баку, 24 лет, бывший студент Рижского политехнического института; Цейликман И.Я., бывший студент Московского университета, уроженец Подольской губернии, 21 год; и

Кунин Л.М., учившийся там же, купеческий сын, отбывавший свой срок наказания в Балаганске.

Некоторые из бывших студентов отказались принять амнистию «из рук реакционного правительства» и, выехав из отдаленных мест поселения, надолго задержались в Иркутске, пополнив здесь колонию политических ссыльных. Часть из них приняла весьма деятельное участие в работе Иркутского комитета РСДРП, другие сотрудничали с эсерами (Мещерский, Щербаков, 1973. С. 97). Их активность вызвала большое беспокойство властей. Так, например, губернатор И.П. Моллериус в январе 1903 г. предлагал «в интересах населения Иркутска» выдворить из города всех поднадзорных, проживающих в нем временно, и в первую очередь «бывших студентов, отказавшихся возвратиться в пределы Европейской России», а возвращающимся студентам предложить «немедленно продолжать свой путь» (Иркутск накануне и в 1917 году, 2017. С. 188), а в случае неисполнения этого требования, «высылать их на место родины при партиях», т. е. этапным порядком вместе с уголовными (ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 184. Л. 37, 54–56).

Далее выясним партийный состав сосланных евреев. Он указан лишь у 14 человек, при этом 13 высылались «за принадлежность к социал-демократическим организациям» или «кружкам» и только один, вернее, одна – Е.Н. Фалькнер, уроженка города Таганрога, была выслана в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на 4 года с 7 октября 1901 года «за принадлежность к тайному еврейскому революционному сообществу «Бунд». Она проживала в селе Бирюльском Верхоленского уезда, работала «акушеркой-фельдшерницей». Еще у десяти человек причина ссылки определена в общем – «за государственное преступление», у троих – «за принадлежность к тайному сообществу», у двоих – «за подстрекательство рабочих к забастовкам». Семь евреев высылались за конкретные преступления. Например, В.Л. Брильянщикова, мещанка г. Томска, 22 лет – «за принадлежность к обнаруженному в г. Томске тайному кружку»; М.М. Кац, мещанин города Белостока, за подстрекательство белостокских портных к забастовке; Ш.О. Зильберман, мещанин Вильямпольской слободы при Ковно, «за

стачку рабочих плотовщиков в Вильямпольской слободе и других местностях Ковенского уезда и за сопротивление чинам полиции» (ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 195, 204).

У значительной части ссыльных из данного списка партийность не указана вовсе, но ее можно определить достаточно точно по другим источникам, в том числе историографического характера. Так, например, И. Шилингер, высланный в Восточную Сибирь в 1899 г., был активным работником петербургской социал-демократической группы «Рабочее знамя» (Мещерский, 1966. С. 154). Братья Г.Л. и Э.Л. Соколовские, а также их сестра А.Л. Бронштейн (супруга бежавшего в 1902 г. из ссылки Л.Д. Троцкого) были сосланы в Иркутскую губернию по делу николаевского «Южно-Русского Союза рабочих» (1896–1898 гг.) – организации социал-демократического толка (ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 512. Л. 22). В.О. Мандельберг, пропагандировавший учение Маркса в 1890-е годы среди рабочих Петербурга, как он пишет, именно «в Сибири стал убежденным революционером, членом РСДРП» (Мандельберг, 1910. С. 33).

Таким образом, к социал-демократам можно уверенно отнести не менее 19 ссыльных евреев, что составляет 36,6 % от общего числа. На самом деле следует предположить, что эсдеков было даже больше: эта политическая партия активно агитировала среди рабочих и те, кто был выслан за «подстрекательство» к забастовкам, возможно, являлись сторонниками ленинской «Искры». Здесь важно подчеркнуть, что практически все «наши» ссыльные евреи состояли не в организациях Бунда, позиции которого были как раз и сильны в западных и южных районах страны среди ремесленников и рабочих мелких предприятий, а в «русских» группах РСДРП, формировавшихся по принципу интернационализма со всеми нациями, «борющимися с международным капиталом».

Нужно отдельно упомянуть о В.Д. Гурари (Бучульской), мещанке, 36 лет, высланной «за государственное преступление» по высочайшему повелению от 13 октября 1900 г. и числившейся в Верхотуренске, но с разрешения Иркутского военного генерал-губернатора проживавшей временно в Иркут-

ске. Ее партийная принадлежность не ясна, но можно предположить, что она относилась к анархистам, или, во всяком случае, разделяла их убеждения. Этот вывод подкрепим документально. Так, из доклада прокурора Иркутской судебной палаты от 25 февраля 1902 г. следует, что 15 февраля этого года по распоряжению начальника Иркутского губернского жандармского управления в городе были произведены обыски у некоторых из проживавших здесь административно-ссыльных. При этом в квартире Ивана-Вацлава Константина Махайского была обнаружена Вера Гурари (в числе прочих), а в карманах ее одежды – «печатные брошюры, запрещенные к изданию» (ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 232. Л. 4). Ян Махайский – тот самый ссыльный поляк, который в начале 1900-х годов в Якутской области под псевдонимом «Аркадий Вольский» написал книгу «Умственный рабочий», где доказывал, что интеллигенция – тот же эксплуататорский класс, что и буржуазия, потому что благодаря своим знаниям, всегда занимает верхние ступеньки социальной лестницы, а потому настоящему революционному рабочему с интеллигентами не по пути (Махайский, 1968).

Ян Махайский, окончив срок якутской ссылки, в начале 1901 г. приехал в Иркутск и здесь попытался на деле проверить свою «теорию рабочего заговора». В апреле 1901 г. он вместе с В.Д. Гурари попробовал провести стачку в типографии «Конкуренция», выдвинув требование о сокращении рабочего дня, но типографчики потерпели поражение. 15 апреля 1902 г. Махайский и Гурари организовали сходку городских булочников, где призывали не доверять интеллигенции, объединяться сугубо на профессиональной основе и вести стачечную борьбу под лозунгом «освобождение рабочих – дело рук самих рабочих». Однако агитация не удалась, булочники отнеслись к речам наших ссыльных без сочувствия и предпочли вернуться на свои предприятия (Рабочее движение, 1988. С. 237, 248).

Неудачи не остановили Махайского и Бучульскую – к 1 мая 1902 г. они выпустили листовку, в которой убеждали иркутян «не верить интеллигенции, которая стремится к тому лишь, чтобы на трупах рабочих достичь собственного благополучия». При

этом отдельно говорилось о «еврейской интеллигенции», будто она, «стесняемая русским правительством в своих вождениях, имеет в особенности основания прикидываться социалистической» (Искра. 1902. № 22. Июль. С. 7). Иркутск замер, наполнившись слухами о предстоящих погромах и избиении евреев, обыватели скрылись на дачах, гимназическое начальство предложило родителям в этот день не отправлять детей на занятия, а в ночь с 30 апреля на 1 мая по городу разъезжали конные патрули (Государственная власть и общество..., 2019. С. 531).

Выясним теперь продолжительность ссылки евреев из списка. Двое из 52-х – М.М. Бройдо и Л.И. Стоцик вообще не имели сроков. Оба были родом из Вильно, мещане 26 и 25 лет, высланы по распоряжению министра внутренних дел 6 марта 1902 года по одному и тому же делу «о преступном сообществе, именовавшемся «Социал-демократическая Рабочая Библиотека» «впредь до окончательного решения помянутого дела», т. е. до окончания следствия (ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 199).

Конкретные сроки высылки указаны у 50 человек. Самый большой срок наказания у С.Н. Доллер – она провела в Сибири сначала на каторге, потом на поселении 23 года. В 1903 г. выехала в Европейскую Россию, но тут же была опять арестована и выслана, на этот раз из Одессы в Вологду по делу эсеров. У остальных ссыльных сроки наказания сравнительно небольшие. Согласно подсчетам, основная масса евреев имела 4-летнюю высылку – 32 человека, или 64 %. Пятеро были отправлены в пределы Иркутской губернии на 5 лет, и 12 человек – на 3 года (24,5 %). Если сложить все сроки и разделить на 49 (то есть, не принимать во внимание С. Доллер как сосланную по решению суда), то получим, что наши административные имели в среднем по 3,9 лет наказания «удалением под надзор полиции в пределы Восточной Сибири».

Как видим, это довольно «щадящие» сроки. Однако нельзя забывать, что все «политики» во время следствия прошли через предварительное тюремное заключение, которое могло составлять от нескольких месяцев до полутора-двух лет. Сюда же

надо прибавить этапный путь в Восточную Сибирь, который с сооружением Транссибирской железнодорожной магистрали существенно сократился по времени, но тем не менее отнимал, как правило, от одного до двух месяцев. Непредсказуемым по срокам могло оказаться и пребывание в Александровской центральной пересыльной тюрьме под Иркутском: если по каким-то причинам этапная партия попадала сюда поздней осенью, когда судоходный период на Лене был уже окончен, ссыльным приходилось здесь задержаться до лета. Все эти обстоятельства удлинляли срок административной ссылки, делали ее по-настоящему суровым, тяжелейшим испытанием для любого человека (Иванов, 2014).

Немалый интерес представляет для нас и география размещения ссыльных евреев на территории губернии. Место ссылки указано у всех поднадзорных. При этом наибольшее количество административных проживало в Верхоленском уезде Иркутской губернии: 5 человек – в городе Верхоленске, еще 17 – в уезде (более 42 % от общего числа). Самым населенным ссыльными местом Верхоленского уезда можно считать село Знаменское Илгинской волости: здесь отбывали наказание сразу шестеро революционеров из нашего списка. На втором месте следует признать Нижнеудинский уезд – 13 ссыльных, при этом только в Кимельтее размещалось 6 человек, далее Киренский – семеро, при том двое проживали в самом Киренске, затем Балаганский – 5 человек. В южных районах губернии проживало немного евреев: двое – в Иркутске, еще по двое – в Урике и Тунке, которая входила в полицейский округ Иркутского района. Таким образом, основное количество административно-высланных, вопреки сложившимся стереотипам об умении евреев приспосабливаться к любым обстоятельствам и неизменно находить свое «место под солнцем», находилось в северных, наиболее неудобных для проживания уездах.

Вместе с тем нужно учитывать, что отведенное решением иркутского генерал-губернатора первоначальное место ссылки, никогда не являлось чем-то неизменным. По мере приближения к окончанию имевшегося срока, ссыльные, как правило, смещались из отдаленных районов губернии ближе к Иркутску, используя для этого малейший предлог.

Обычно причиной приезда в Иркутск служили проблемы со здоровьем – местный уездный врач, сочувствовавший политическим ссыльным, охотно давал разрешение на отлучку для лечения. Такое «лечение», как обычно, продлевалось на новый срок, и ссыльный оставался в Иркутске на несколько месяцев, а то и лет. Так, например, проживала в городе В.Д. Гурари: изначально распределенная в Киренск, Вера Давидовна ходатайствовала о водворении в Верхоленск, где она, «ввиду своей болезни», могла бы «пользоваться советами местного врача». Затем в январе 1901 г. из Верхоленска последовала от нее просьба, подкрепленная медицинским свидетельством, о жизни в Иркутске «временно, до весны следующего года». Далее, 2 мая 1901 г. мать ссыльной мещанка города Охты Анна Гурари возбудила ходатайство перед генерал-губернатором о разрешении ее дочери «ввиду болезни, остаться в Иркутске до тех пор, пока не укрепится здоровье», и это прошение было удовлетворено (ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2410. Л. 23–41). И таких примеров множество.

Следует также выяснить характер трудовой занятости ссыльных евреев в местах проживания. Сведения о «роде деятельности» имеются лишь у 16 человек, у 17 указано «занятий не имеет» или «мастерства не знает», у 19 – вообще эта графа не заполнена. Из имеющих работу, трое портных, два врача, три акушерки, «дающий частные уроки» и учительница, инженер, каменотес, столяр, переплетчик, кожевник и чертежник. Как видим, профессии самые демократичные. При этом надпись «занятий не имеет» означает ни что иное как отсутствие в местах поселения какой-либо работы вообще, что было в отдаленных уездах Иркутской губернии явлением весьма распространенным.

В поисках работы ссыльные были вынуждены часто менять предназначенные изначально места проживания. К примеру, Л.Д. Бронштейн и А.Л. Соколовская в августе 1900 г. начали свою административную ссылку с села Усть-Кутского, в феврале 1901 г. в поисках работы перебрались в Нижне-Илимское, затем в конце 1901 г. вновь вернулись в Усть-Кут. Отсюда Троцкий написал прошение на имя генерал-губернатора, в котором просил разрешить

переехать на жительство в с. Знаменское Верхоленского уезда, где он надеялся найти какую-нибудь работу, «и где содержание, совместное с семьей брата жены (Ильи Лейбова Соколовского)», было бы «несравненно дешевле» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 512. Л. 97). В переезде в Знаменское было отказано, так как селить вместе высланных по одному делу запрещалось, но неожиданно было разрешено «водвориться» в Верхоленске, где получить работу казалось несколько легче, куда семья и перебралась в начале 1902 г. (Чернявский, 2010. С. 43).

Можно также привести пример с И.И. Шилингером. Поступив в Иркутск в качестве административно-ссыльного в августе 1899 года, он долгое время не мог найти работу, ходатайствовал о разрешении занять должность помощника начальника депо в г. Верхнеудинске, но ему было отказано, затем получил место мастера котельного цеха главных Читинских мастерских, «имея постоянное жительство в Иркутске, как агент, прикомандированный к управлению службы технических занятий», затем состоял на службе в Иркутском управлении Забайкальской дороги, откуда с 1-го октября 1903 г. был уволен по распоряжению губернского жандармского полицейского управления (ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 179. Л. 67; Ф. 91. Оп. 1. Д. 2279. Л. 34; Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 182).

Именно отсутствие заработка в местах поселения заставляло государство платить ссыльным денежное пособие. Правом на «пособие от казны» пользовались только административно-ссыльные. При этом они не должны были иметь постоянного места службы или работы и только тогда, «по имени собственных средств и занятий на месте водворения», могли обратиться с прошением в Иркутскую губернскую тюремную инспекцию. Дальше начиналась обычная бюрократическая волокита: инспекция делала почтовый запрос по прежнему месту жительства ссыльного, действительно ли он не имеет денежных средств, способных содержать его в месте поселения, затем инспекция перепроверяла, нет ли у административного заработка на месте поселения, далее обращалась к иркутскому генерал-губернатору с просьбой удовлетворить прошение, и только после положительного решения,

ссыльный получал свое пособие (ГАИО. Ф. 25. Оп. Д. 8. Л. 21 об.).

Нередко на такую переписку уходило несколько месяцев, в течение которых ссыльный мог рассчитывать только на помощь и поддержку своих товарищей. Неслучайно, каждая крупная колония политических ссыльных имела свою кассу взаимопомощи, в которой состояли и сосланные по суду, и высланные административно, и окончившие свои сроки, но по каким-то причинам оставшиеся в Сибири (Бакшт, 2017). В Иркутске, например, по воспоминаниям В.О. Мандельберга, касса пополнялась по принципу «прогрессивных %» со всех доходов ссыльного (Мандельберг, 1910. С. 27).

«Получает» или «не получает пособия» отмечено у 47 ссыльных евреев. Не имели денежной поддержки только четверо: С.Н. Доллер, как ссыльная по суду, а также как служившая в Управлении Забайкальской железной дороги; В.О. Мандельберг, как постоянно практикующий врач; И.И. Шилингер, также служивший на дороге; и В.Д. Гурари (Бучульская), у которой в статистическом листке в графе «Занятие или ремесло» значилось: «домашняя учительница, фельдшерница, наборщица» (ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 232. Л. 10).

Денежное пособие получали 43 человека, это те, кто не имел «занятий», – все бывшие студенты, молодые люди, которые еще не успели освоить какую-либо профессию. Следует отметить, что среди получавших пособие были и такие, кто имел работу. Например, чертежник М.М. Бройдо, занимавшийся «чертежными работами у инженера Хржоновича по постройке казенного винного склада в г. Киренске», столяр Х.Л. Файнштейн, переплетчик С.Ш. Марголин (ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 198, 199). Думается, что администрация сознательно «закрывала глаза» на то, работает ли административный или «занятий не имеет», все зависло, по всей видимости, от доходности профессии. Пособие было небольшим, но и не маленьким. Его размер в данном списке не указан, но скорее всего в этот период оно составляло от 100 до 120 рублей в год для холостого, не обремененного семейством ссыльного и выдавалось ежемесячно (ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 137. Л. 79). После революции 1905 г. пособие постепенно стало увели-

чиваться, и в годы первой мировой войны доходило уже до 200–240 рублей, при этом ссыльным выплачивались еще и «одежные» деньги в размере 18–20 руб. годовых.

Семейное положение обозначено у 46 ссыльных: 39 мужчин и 7 женщин. Среди мужчин 27 были холостыми (69,2%), у женщин – трое замужних, столько же «девиц» и одна – вдова. Таким образом, можно сделать вполне обоснованный вывод, что большая часть ссыльных – 30 человек из 46 не имели семей (65,2%).

Последняя графа в списке обозначена как «Отметка о поведении». Она не заполнена ни у одного из 157 ссыльных, в том числе и у евреев-«политиков». Обычно в такой графе напротив имени ссыльного следовала надпись: «ни в чем предосудительном замечен не был» или «поведения одобрительного». По всей видимости, оператор «печатной машины» просто не стал утруждать себя «лишней» работой. Между тем поведение части наших ссыльных было далеко не законопослушным. Активной пропагандистской деятельностью занималась В.Д. Гурари, за что весной 1902 г. была арестована, иркутским полицеймейстером привлечена к дознанию в качестве обвиняемой и содержалась в Иркутской тюрьме, откуда была освобождена под залог в 1000 руб. (ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2410. Л. 62). И.И. Шилингер с начала 1900-х годов вел в Иркутске несколько рабочих кружков, затем был среди организаторов регионального Сибирского социал-демократического союза и Иркутского комитета РСДРП. В.О. Мандельберг также был в числе активных работников иркутских эсдеков, в 1903 г. под фамилией Посадовский участвовал в работе Второго съезда РСДРП, а затем был избран от Иркутска депутатом II Государственной думы (Попов, 1989. С. 98).

Подведем некоторые итоги. В начале XX в. доля евреев среди политических ссыльных Иркутской губернии колебалась от 32 до 60%, что, по всей видимости, было значительно выше общесибирских показателей. При этом собирательный портрет «нашего» еврея-«политика» выглядит следующим образом. Это по преимуществу мужчина в возрасте от 20 до 30 лет, родившийся в небольшом городке в западных или южных губерниях Российской импе-

рии, мещанин, состоявший в одной из социал-демократических организаций и занимавшийся агитацией среди рабочих или городских пролетарских низов, высланный административно на основании решения министра внутренних дел, на срок около четырех лет, водворенный на поселение в отдаленном северном уезде губернии, не имевший постоянного заработка, а потому получавший пособие от казны, не успевший еще обзавестись семьей. Сле-

Библиографический список

А. В. П. Очерки политической ссылки // Русское богатство. 1912. № 7. С. 42–76.

Бакшт Д.А. «Колонии-коммуны» ссыльнопоселенцев Сибири как институт социального вспомоществования, 1905–1917 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 3. С. 84–98

Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков / науч. ред. проф. Л.М. Дамешек. Иркутск, 2019. 612 с.

Иркутск накануне и в 1917 году: очерки политической истории губернского центра / под ред. Л.М. Дамешка. Иркутск: Оттиск, 2017. 544 с.

Иванов А.А. Путь сибирский дальний // Земля Иркутская. 2014. № 1 (42). С. 52–65.

Иванов А.А., Савилов А.А. Участие иркутских жандармов в надзоре за политическими ссыльными (1860–1900 годы) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. Май. С. 114–121.

Курас С.Л. Ссылка евреев в Сибирь в законодательных актах и делопроизводственной документации (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2010. 159 с.

Ленин В.И. Отдача в солдаты 183-х студентов: П. С. С. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967. Т. 4. С. 391–396.

Майнов И. Софья Наумовна Доллер // Каторга и ссылка. 1924. № 5. С. 307–309.

Мандельберг В. Из пережитого. Давос: За рубежом, 1910. 147 с.

Махайский Я.К. Умственный рабочий. New York; Междунар. лит. содружество, 1968. 431 с.

Мещерский А.П. Первые марксисты в сибирской ссылке. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 222 с.

Мещерский А.П., Щербаков Н.Н. В.И. Ленин и политическая ссылка в Сибири. Иркутск (конец XIX в. – 1917 год). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 177 с.

Никитина Е. Ссылка 1905–1910 годов. (Историческая справка) // Сибирская ссылка. Сборник первый / Ред. Н.Ф. Чужака. М.: Изд-во ВОРКИС, 1927. С. 13–31.

дует также подчеркнуть, что значительная доля евреев в российском революционном движении была прямым следствием несбалансированной национальной политики государства с ее чертами оседлости, запретами на определенные занятия, квотами на обучение в высших учебных заведениях, что не могло не порождать ответного активного революционного противодействия.

References

A. V. P. (1912) Essays on political exile. *Russkoe bogatstvo = Russian wealth*. No. 7. P. 42–76. (In Russ.)

Baksh D.A. (2017) "Colony-communes" of the exiled settlers of Siberia as an institute of social assistance, 1905–1917. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 13. No. 3. P. 84–98. (In Russ.)

Dameshek L.M. (2019) State power and society: on the materials of the cities of the Irkutsk province of the XIX – early XX centuries. Collective monograph. Irkutsk: Ottisk. 612 p. (In Russ.)

Dameshek L.M. (2017) Irkutsk on the eve and in 1917: essays on the political history of the provincial center. Irkutsk: Ottisk. 544 p. (In Russ.)

Ivanov A.A. (2014) Siberian Far Path. *Zemlya Irkutskaya = Irkutsk Land*. No. 1 (42). P. 52–65. (In Russ.)

Ivanov A.A., Savilov A.A. (2019) The participation of Irkutsk gendarmes in the supervision of political exiles (1860–1900). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. No. 442. May. P. 114–121. (In Russ.)

Kuras S.L. (2010) Reference of Jews to Siberia in legislative acts and office documentation (second half of the XIX century – February 1917). Ulan-Ude: VSGAKI. 159 p. (In Russ.)

Lenin V.I. (1967) Sending into soldiers 183 students. Complete collected works. Moscow: Political Literature. Vol. 4. P. 391–396. (In Russ.)

Mainov I. (1924) Sofya Naumovna Doller. *Katorga i ssylka = Katorga and exile*. No. 5. P. 307–309. (In Russ.)

Mandel'berg V. (1910) From the experience. Davos: "Abroad". 147 p. (In Russ.)

Makhaiskii Ya.K. (1968) Mental worker. New York: Mezhdunar. litas. Commonwealth. 431 p. (In Russ.)

Meshcherskii A.P. (1966) The first Marxists in Siberian exile. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. Publ. 222 p. (In Russ.)

Meshcherskii A.P., Shcherbakov N.N. (1973) V.I. Lenin and political exile in Siberia. Irkutsk (late XIX century – 1917). Irkutsk: Vost.-Sib. kn. Publ. 177 p. (In Russ.)

Nikitina E. (1927) Exile of 1905–1910. (Historical reference). *Sibirskaya ssylka. Sbornik pervyi = Siberian exile. First collection*. Moscow: VOPKIS. P. 13–31. (In Russ.)

Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.

Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. В 3 т. / под ред. Н.В. Блинова, В.П. Зиновьева. Т. 1: XVII в. – 1904 г. Томск: Изд-во Томского университета, 1988. 372 с.

Троцкий Н. Туда и обратно. СПб.: Шиповник, 1907. 123 с.

Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. (облик, организации, революционные связи). Томск: Изд-во Томского университета, 1978. 180 с.

Чернявский Г.И. Лев Троцкий. М.: Молодая гвардия, 2010. 665 с.

Щербakov Н.Н. Численность и состав политических ссыльных Сибири (1907–1917 гг.) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск, 1973. Вып. I. С. 199–242.

Сведения об авторах

Иванов Александр Александрович,
доктор исторических наук, профессор, профессор
кафедры истории России,
Иркутский государственный университет,
664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 313, Россия,
✉ e-mail: ottisk@irmail.ru

Манян Нонна Мартиновна,
аспирантка кафедры истории России,
Иркутский государственный университет,
664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 313, Россия,
✉ e-mail: nonnman@yandex.ru

Заявленный вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 18 ноября 2020 г.
Поступила после рецензирования и доработки
8 декабря 2020 г.
Принята к публикации 21 декабря 2020 г.

Popov I.I. (1989) Forgotten Irkutsk pages. Notes of the editor. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. Publ. 384 p. (In Russ.)

N.V. Blinova, V.P. Zinov'eva. (1988) Labor movement in Siberia: historiography, sources, chronicle, statistics. In 3 vols. Tomsk: Tomsk State University. Vol. 1. XVII century – 1904. 372 p. (In Russ.)

Trotsky N. (1907) Back and forth. St. Petersburg: Rosehip. 123 p. (In Russ.)

Khaziakhmetov E. Sh. (1978) Siberian political exile 1905–1917 (appearance, organizations, revolutionary ties). Tomsk: Tomsk State University. 180 p. (In Russ.)

Chernyavsky G.I. (2010) Lev Trotsky. Moscow: Young Guard. 665 p. (In Russ.)

Shcherbakov N.N. (1973) The number and composition of political exiles of Siberia (1907–1917). *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1917 g.) = Exiled revolutionaries in Siberia (XIX century – February 1917)*. Irkutsk. Iss. 1. P. 199–242. (In Russ.)

Information about the authors

Alexander A. Ivanov,
Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department
Russian History,
Irkutsk State University,
office 313, 2, Chkalov street, Irkutsk, 664025, Russia,
✉ e-mail: ottisk@irmail.ru

Nonna M. Manyan,
Graduate student, Department of Russian History,
Irkutsk State University,
office 313, 2, Chkalov street, Irkutsk, 664025, Russia,
✉ e-mail: nonnman@yandex.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

Received November 18, 2020.
Received December 8, 2020.
Accepted December 21, 2020.